

ВВЕДЕНИЕ

Социально-культурная антропология изначально интересовалась политикой и, собственно говоря, именно интерес к политической организации, природе властных отношений, проблемам гегемонии, статуса, равенства-неравенства составляли центральные темы этой дисциплины на протяжении ее векового профессионального действия. Горизонты политической антропологии постоянно расширялись по мере эволюции и усложнения как самого общественного процесса, так и по мере развития самой дисциплины и совершенствования ее методов. Видимо, было бы правильно сказать, что реальный мир определяет содержание политической антропологии и в равной мере антропология конструирует мир, в котором пребывают и отправляют свое знание антропологи. Такой более сложный подход по сравнению со старой констатацией, что этнология и антропология нужны, чтобы лучше управлять, все больше распространяется в современной науке¹. Все больше отходит на второй план представление, что политическая антропология, это дисциплина, изучающая системы властно-управленческих отношений в “традиционных обществах” и ранние формы политических институтов (так называемая “потестарная этнография”), а также классификация политической антропологии как сферы изучения только этнических параметров политических процессов.²

Эволюция дисциплинарного интереса

Прежде чем определить эволюцию дисциплинарного интереса социально-культурной антропологии к политическому, попробуем прежде всего определить, что есть политика в ее широком смысле слова. Интересно, что одни из корифеев политической антропологии, М. Фортес и Э. Эванс-Причард, создавшие классический труд «Африканские политические системы»³, обошлись без определения, что есть политика, но тем не менее дали отличный образец анализа таксономии, структуры и функционирования политических систем и самого политического процесса. Тем не менее авторы коллективного труда «Политическая антропология», опубликованного в 1966 г. под редакцией Марка Шварца, Виктора Тернера и Артура Тадена, сделали попытку определить, что есть политический процесс и политика и их рассуждения остаются полезными.

Подлинное переосмысление политической антропологии произошло в последнее десятилетие, особенно усилиями европейских социальных антропологов, координирующих свои исследования в рамках созданной в 1990 г. Европейской ассоциации социальных антропологов (European Association of Social Anthropologists). Одним из заметных событий стала публикация книги «Антропология политики» под редакцией британских ученых Крис Шор и Сюзан Райт.⁴

Отечественная традиция

Большой вклад в разработку политической антропологии и понятия политического внесли российские историки и этнологи, особенно С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, Л. Е. Куббель, А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, В. А. Шнирельман, А. А. Никишенков, В. М. Бочаров, Н. М. Гиренко, В. А. Попов, С. В. Чешко, Л. М. Дробижева, М. Н. Губогло и многие другие. В самые последние годы петербургский «Журнал социологии и социальной антропологии» публикует статьи по данной тематике, а на кафедре культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета читается курс «Политическая антропология». Автор этого курса В. В. Бочаров вместе с другими российскими специалистами справедливо отмечает, что возникновение политической антропологии как относительно само-

стоятельной поддисциплины было по сути дела теоретическим обобщением европейского (прежде всего британского) опыта по организации управления колониальными территориями.⁵ Вполне естественно, что аналогичные проблемы управления огромных евразийских территорий, населенных “инородцами”, стояли и перед российскими властями и казалось бы тождественный общественно-исторический опыт должен был породить не только сходные проблемы, но и сходные подходы и потребности в экспертизе. Однако отражение колониационного процесса в научно-теоретическом сознании России отличалось от “западного” варианта. “Одним словом, если колониальный процесс на Западе привел к осознанию обществом и государством необходимости развития антропологии, прежде всего как прикладной дисциплины, что впоследствии привело к образованию крупнейших научных школ в антропологии, которые возглавлялись людьми непосредственно принимавшими участие в колониальном процессе, то в России, казалось бы, тот же общественно-исторический опыт ничего подобного не породил. Если в западной традиции возник даже специальный институт “государственного антрополога”, в задачи которого входило консультировать чиновника-практика в принятии последних решений по управлению инокультурным населением, а исследования теоретиков также финансировались колониальными властями, то в России крупнейшие этнографы (антропологи) зачастую сами являлись политическими оппонентами правящей власти.”⁶

Действительно, русская крестьянская община изучалась оппозиционными царизму “народниками”, а бывший народоволец и политический ссыльный В. Г. Богораз стал одним из классиков отечественной антропологии. Политическим оппонентом власти был и другой классик отечественной антропологии В. Я. Штернберг. Однако придавать отечественной антропологической традиции “антигосударственный статус”, включая и советское время, было бы упрощением. Начиная от Н. Н. Миклухо-Маклая, Снесарева, Чокана Велиханова, Тенишева и заканчивая советской этнографией, отечественная этнография была на государственном коште и примерно пеклась о государственных интересах, снабжая власть необходимым знанием о разных культурах и даже иницилируя проекты новых заморских колоний, как это делал, например, Миклухо-Маклай.⁷

Прежде всего в отличие от историографии и политологии антропологи обращают больше внимание на *политический процесс*, чем на политическое событие, и на такую форму человеческой активности, которая носит больше публичный, чем частный характер. Уровень данной публичной активности может распространяться от соседской общины до страны или даже мировых регионов, чем мало занималась прошлая политическая антропология, в центре внимания которой были главным образом структурированные и гомогенные общества. Политика характеризуется обязательным наличием целей, точнее, групповых целей, хотя индивидуальные, частные цели и интересы постоянно присутствуют и даже могут определять групповые, если речь идет особенно об интересах лидеров, которые формулируют цели от имени группы. Такими целями может быть достижение новой системы межгрупповых отношений или отношений группы с институтами, с которыми они находятся в фундаментальных связях (например, государство). Чаще всего — это борьба за статус и ресурсы, независимость, ведение войны или достижение мира, распределение должностей, титулов и ролей, за которые происходит постоянная конкуренция между членами группы или между представителями разных групп в едином политическом пространстве. Политика чаще всего направлена на устранение разногласий и споров в конкурентном мире групповых человеческих отношений, но она же может иметь целью создание таких разногласий и конфликтов. Таким образом, «прилагательное слово «политическое» можно применить ко всему, что носит публичный характер, содержит целеполагание и включает вопрос о властных полномочиях и контроле среди отдельных индивидов определенного общества или группы», а изучение политики в данном случае есть «изучение *процессов*, которые сопровождают определение и достижение публичных целей с использованием власти членами группы, которые стремятся к достижению данных целей»⁸.

Это лишь самое общее определение политического, но оно позволяет социальной антропологии не ограничиваться только изучением политических институтов своего рода циклических или статичных обществ в структурно-функциональных терминах, чем антропология занималась многие десятилетия. Здесь возможен перенос внимания с «общества» на политическое «поле» в пространственно-

временном континууме, т.е. в историческом времени. «Политическое поле не действует подобно часовому механизму, где все части подогнаны с абсолютной точностью. Скорее, это поле напряжения, заполненное изоощренными и определившимися антагонистами, одиночными и корпоративными, которые руководствуются амбицией, альтруизмом, собственным интересом и желанием общего блага, и которые в цепи различных ситуаций связаны друг с другом собственным интересом или идеализмом, или разделены и противостоят друг другу по тем же самым мотивам»⁹.

Таким образом, отдавая должное классическим исследованиям эволюции политических обществ (политогенез), политической антропологии колониальных сообществ и «конфликту культур», структурно-функциональной теории политических систем, которые занимали ведущие позиции до 1960-х годов XX века, мы хотели бы предложить ряд новых направлений в области политической антропологии, которые могут существенно обогатить объяснительные ресурсы современной науки применительно к современным обществам. Во-первых, при изучении сложных политий, какими являются современные общества-государства, крайне важно исследовать не только основополагающие конституционно-типологические конструкции и процедуры, чем больше занимаются политологи, а промежуточные, дополнительные и параллельные политические структуры и их отношение к «формальной власти». Применительно к России, где находится наш основной интерес, и к другим странам, огромную важность, например, представляет политика этничности и этнических элит, проблема лидерства и соперничества, особенно в ситуации быстрых институциональных перемен, насыщенных противоречиями и конфликтами. Именно поэтому при рассмотрении ряда фундаментальных современных процессов мы обращаем внимание на роль индивидуальных акторов социального пространства, на частные стратегии людей, на процесс принятия решений на политической арене, на политические импровизации и выбор проектных сценариев.

Параллельно с этим новейшие тенденции еще больше обозначили плодотворность диалога историков и антропологов прежде всего тем, что в отличие от экономистов и социологов, социальные историки помогли увидеть «молчаливую историю» или «людей без

истории», если использовать название книги недавно скончавшегося выдающегося антрополога и историка Эрика Вулфа¹⁰. Здесь одной из главных тем политической антропологии стала сфера взаимодействия государственной политики, гегемонии власти или отдельных групп и формы сопротивления, которые в свою очередь породили нестабильность, экстремизм, гражданские войны, насилие, террор. Под влиянием Грамши и других авторов темы гегемонии и сопротивления (особенно на уровне низовых стратегий и повседневной практики людей) стали настолько популярными среди нового поколения антропологов, что в последнее время вызвали своего рода ответную реакцию — а именно интерес к «порядку», о которых когда-то еще писали Э. Дюркгейм и А. Рэдклиф-Браун. Рассматривая темы насилия, экстремизма и сепаратизма, мы также приходим к выводу, что социальный порядок среди человеческих сообществ первичен по отношению к форме, в которой он осуществляется (старая, но сохраняющая свое значение формула Сэмюэля Хантингтона).

Современная политическая антропология отдала дань таким глобальным концептам социальных наук, как *империализм* и *(пост)колониализм*. Имперская парадигма гуляет сегодня по страницам текстов, посвященных посткоммунистическому миру, пытаясь представить недавно существовавшие «социалистические страны» как «колониальные империи» и тем самым ослабляя объяснительные модели того, что произошло в последнее десятилетие на территории бывшего СССР. Вызвавшая в свое время восторженный отклик критика Эдвардом Саидом европоцентристской формы репрезентации истории и культуры «других народов»¹¹ и его призыв создавать собственные «аборигенные» историко-этнографические версии сегодня уже воспринимаются с определенной осторожностью. Ибо более внимательный анализ показывает, что так называемая имперская (или колониальная) этнография далеко не всегда носила монолитно-патерналистский характер. Тем более этого нельзя сказать об отечественной (русской и советской этнографии), имеющей бесспорные заслуги в изучении и сохранении культурного многообразия страны. Не были безмолвными клиентами и так называемые «подчиненные народы», активно участвовавшие как в культурном диалоге, так и в научном осмыслении собственных культур, по крайней мере в XX веке.

Современная политическая антропология включила в свой арсенал не только вопросы социальной истории повседневности и политическую экономию, но и вопросы «символического капитала», массовых информационных воздействий и неформальных сообществ как важнейших элементов политического поля и решения вопросов власти, а также самого существования культурно сложных сообществ (национальных и транснациональных). Соединение мифопоэтики и политики позволяет открыть новую сферу политической антропологии — сферу символического действия и воздействия (управления)¹². В этой связи мой парадоксальный вопрос «выиграет ли российская армия войну в Чечне у CNN и BBC?» на самом деле далеко не столь праздный для политико-антропологического анализа.

Наконец, вслед за Мишелем Фуко, мы обращаем внимание на особую связь между доменом власти и властью знания, когда в обществах массовой образованности, какими являются все постсоветские государства, антропологический анализ не может игнорировать исключительную роль интеллектуальных элит и часто определяющее значение их субъективных предписаний для политического поведения остального населения.

Исходя из этих теоретико-методологических посылок, мы анализируем в данной книге некоторые из фундаментальных историко-культурных явлений современной жизни (преимущественно на материале постсоветских государств), которые стали безусловным доменом политической антропологии в ее современном более глубоком понимании. Даже некоторая доля нормативности, которая содержится в наших текстах, вполне сознательно рассматривается нами как необходимый элемент научного анализа, когда ученый не может быть вне властных диспозиций, но при этом способен демонстрировать должные профессионализм и беспристрастность.

Как пример, мы включили в качестве заключительной главы данной книги анализ ситуации на Северном Кавказе, который представляет собою заключительные выводы и рекомендации независимого экспертного доклада «Пути мира на Северном Кавказе», подготовленного группой ведущих российских экспертов под моим руководством¹³. Этот анализ опирается не только на мои собственные исследования, но и на разработки моих коллег (Ю. Д. Анчабадзе, Д. Д. Гакаев, А. Б. Дзадзиев, И. Г. Косиков, А. В. Малащенко, Н. В. Петров, Д. В. Тренин, Л. Л. Хоперская и другие).

Главное, что данный доклад демонстрирует возможности для строго академического анализа достичь политической аудитории самого высокого уровня. Именно эти выводы и рекомендации привлекли внимание Президента Российской Федерации В.В.Путина, для чего и состоялась его встреча с учеными в Академии наук России 8 февраля 2000 г., во время которой автор книги был одним из основных докладчиков. В этой связи мы можем уже говорить не просто о политической антропологии, а о публичной значимости данного направления и об общественной роли самого ученого-этнолога. В последнее время эта форма профессиональной активности антропологов называется “действенной антропологией” (в рамках Международного союза антропологических и этнологических наук уже более десяти лет действует одноименная комиссия - Anthropology in Action).

¹ См.: Vincent J. Anthropology and Politics: Visions, Traditions and Trends. Tucson: University of Arizona Press, 1990.

² Пугачев. Политология. Учебное пособие.

³ Evans-Pritchard E.E. and M. Fortes. African Political Systems. London, 1940.

⁴ Cris Shore and Susan Wright, eds. Anthropology of Policy. Critical Perspectives on Governance and Power. London: Routledge, 1997.

⁵ В. В. Бочаров. Политическая антропология и общественная практика. - *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1998, том 1, № 2, с. 2. См. также вступительную статью ..... : Обычное право народов Сибири. Отв. редактор Ю. И. Семенов, 1997.

⁶ В. В. Бочаров. Указ. соч., с. 2.

⁷ См.

⁸ Swartz M., Turner V., and Tuden A. Introduction // Political Anthropology. Chicago: Aldine, 1966, p. 7.

⁹ Ibid., p. 8.

¹⁰ Wolf E. Europe and the People without History. Berkeley: University of California Press, 1982.

¹¹ Said E. Orientalism. London: Routledge, 1978.

¹² Modernity and its Malcontents: Rituals and Power in Postcolonial Africa / Eds. Jean Comaroff and John Comaroff. Chicago, 1993.

¹³ Íóòè ìèðà ìà Ñáááðíí Êáâêàçá. Íáçáâèñèíúé ýèñíàððíúé äíêèää ñä ðááâèðèèé Á.À.Òèðèíà. Í., 1999.